

Блеск / Glow (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Блеск / Glow (рассказ)

Автор	Саймон Спурриер / Simon Spurrier
Переводчик	BOJE
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Путь Мёртвых / Way of the Dead (сборник) Бесконечная война / War Unending (сборник)
Источник	Inferno! #34
Год издания	2003
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

В Талабхейме осень. Тягучие струи тумана нехотя вываливаются из грязных канав и вытягивают призрачные щупальца по улицам и аллеям, в нанесенных ветром кучах умирают тонкие, как бумага, листья, упитанные вороны, угрюмо рассевшись на мокрой черепице, голодным карканьем выказывают недовольство по поводу отсутствия отбросов на мостовой.

В трущобах тоже осень. Сезон теней и звуков шагов, подернутых рябью луж и прохудившихся крыш. *Кап-кап-кап*. Самое время для незваных гостей.

— Может, сначала постучать, капитан?

— М-м. Постучи, Кублер, и посильнее, если понимаешь, о чем я.

Крак! Громко треснуло дерево, и эхо от удара понеслось через туман, поднимая с крыш перепуганных ворон. Темные фигуры ввалились в выломанную дверь.

— Встать! Давай! Поднимайся, свинья, или, клянусь Зигмаром...

— Остынь, Хольст. Хозяин определенно в ступоре... Нет смысла марать сапоги.

Угольно-черные фигуры окружили единственного обитателя дома, оборванца который неловко свернулся на прогибающихся половицах и пьяно храпел. Рядом с ним они казались почти ненастоящими. Самый высокий из плащей, обладатель строгой шляпы с широкими полями, энергично присел и принялся изучать испачканное грязью лицо спящего.

— Он пьян, капитан? — поинтересовался один из пришельцев.

— Нет... Нет, я бы так не сказал.

Рука в перчатке зарылась ненадолго в мятые лохмотья и появилась обратно с неказистым глиняным коробком. Одно ловкое движение, и под крышкой обнаружилась горстка зеленых таблеток.

— Гм.

— Аналептики от бессонницы, капитан? Мой брат говорит, хорошая штука.

— Может быть. С фармацевтической точки зрения вышесказанное — это, конечно, вздор. — Высокий поднялся и оглядел комнату. Потом вздохнул. — Господа, перевернуть все сверху донизу. Если здесь есть что-то подозрительное, хочу об этом знать.

Несколько черных плащей бросились выполнять приказ, сдвигая покрытую плесенью мебель. Спустя некоторое время один из них обернулся к обладателю широкополой шляпы.

— Никаких признаков Скверны, господин, — хмуро доложил он.

— М-м.

— Тот еретик вчера почти прокричал нам этот адрес.

— Осмелюсь заметить, Кублер, пламя праведности имеет такое свойство... Я не отмечаю здесь Темных Сил — обычная городская рвань.

С гортанным стоном спящее тело пришло в движение.

— Капитан... — нерешительно пролепетал один из плащей, — ег-го глаза!

Они отодвинулись от кучи тряпья, которая вдруг забилась в сонном припадке. А глаза, они слезились и мерцали, и из зрачков изливалось странное свечение. Слюна пеной скапливалась в уголках рта.

— Гм, — пробормотал обладатель широкополой шляпы. — Признаю свою ошибку...

Спящий, пошатываясь, поднялся на ноги. Его шершавая кожа вздувалась и скручивалась, и буквально бурлила в ответ на приступы внутренней боли. Челюсть с треском раздвинулась в омерзительную ухмылку, из кривых десен, будто нетерпеливые побеги, вылезли зазубренные клыки, язык размотался длинным, цепким отростком. Глаза наконец полностью открылись, и из глубины опаленных глазниц вырывался призрачный свет. Существо уставилось на коробок с таблетками и протянуло дрожащую руку.

— Д-дай... Д-д...

Оно пыталось выговаривать слова, но пульсирующие артерии сдавливали распухшую гортань, а новообретенным языком было непросто образовывать нужные звуки.

— Отдай... Кх. «Блеск». Н-надо.

Трансформация тем временем продолжалась: кожа натянулась уже, как у трупа, надбровные дуги и скулы еще больше выдались вперед, кости, словно горные хребты, выпятились на коже. С упругим, влажным шлепком, лопаясь, подобно перезревшему плоду, она разорвалась изнутри и стала слазить змеиными складками.

— Хочу сейча-а-ас! — протянула тварь, бешено вращая глазами. — Дай блеск или уб...

Бум!

Уродливые черты зверя утонули в густых брызгах поднявшегося в воздух ихора. В комнате стоял сердитый звон пистолетного выстрела, из оружия человека в шляпе лениво вытекал едкий пороховой дым.

Время затормозилось было на один долгий миг, но, как только создание Хаоса рухнуло на пол, проворно восстановило свой бег. Из пробитого черепа хлынула тягучая жидкость, которая, расплескавшись, густела на полу и стенах этого убогого жилища. Тело забилося в агонии.

— Именем Зигмара, очищаю, — нараспев произнес обладатель широкополой шляпы и начертил пальцами в воздухе священный молот.

Реальность слилась воедино. Храмовники, ошеломленные внезапной трансформацией существа — и благодарные своему командиру за своевременное вмешательство — выдохнули. Труп дернулся и затих, из раны капала слизь превращающихся в жидкость органических тканей.

Воцарилась тишина.

— В-вы... Угх... Вы все еще считаете, что это аналептики от бессонницы, капитан? — проямлил один из охотников на ведьм, дернув головой в сторону коробка, который обладатель широкополой шляпы держал в другой руке.

— С учетом произошедшего, Хайнрих... Думаю, нет.

Капитан охотников на ведьм Рихт Карвер покосился на таблетки и задумчиво поджал тонкие, сухие губы.

Город, точно огромной сетью, затянуло дождем. Ливень бомбардировал весь бедняцкий квартал и моросил по торговым улицам, гася и без того скудное освещение, которое люди устраивали, чтобы

ограждать себя от надвигающейся ночи. Под этим водяным обстрелом рассеивался туман, росли и соединялись друг с другом лужи, ржавые водостоки переполнялись и извергали на землю потоки перемешанной с лишайником жидкости.

Вороны жалостливо топорщили перья и сердито косили глазами-бусинами на несправедливо разгулявшуюся непогоду.

Даже могучий Храм Зигмара, упрямо разрезающий задумчиво нависшее небо, вынужден был поубавить надменности, уступив потокам, которые штурмовали его башни и контрфорсы. Внизу же, глубоко под этим промокшим до нитки строением — там, куда не могло проникнуть ни капли дождя — существовал небольшой мирок затхлого воздуха и дрожащего света.

Рихт Карвер с привычной импозантностью сбросил шляпу и опустился в кресло с прямой спинкой. Начищенные до блеска пистолеты небрежно повисли на деревянной раме, затейливо украшенная пороховница была бесцеремонно брошена на стол, а черная трость, с которой Карвер никогда не расставался, рассеянно крутилась в ухоженных пальцах хозяина.

— Тащите его сюда, — пробормотал он после недолгих размышлений.

Волоча за собой громоздкий сверток, к нему толпой ввалились другие охотники. Труп мутанта был замотан в грязное тряпье и перетянут обрывками бечевы, которые насобирали в мусоре, он испускал маслянистую жижу, уже начинавшую пятнами проступать на льняной ткани.

Карвер потер подбородок. В этом привычном жесте его аколиты давно научились угадывать знак глубокой задумчивости, и старались не мешать.

— Давайте посмотрим, что можно выяснить об этом... Как он говорил?.. А, «блеск». Хольст, на тебе трущобы, болтовня в кабаках и тому подобное. За своего сойдешь легко, старина. Осмелюсь предположить, эти таблетки в ходу не только среди бедняков, но и среди богачей, так что, Ларс — особняки в западном квартале. Хайнрих, поспрашивай в ополчении. Да, и возьми с собой Шпильмунна, пусть учится. А ты, Кублер, разыщи мне этого червяка Вассека. Ручаюсь, если кто и знает об этом, так это он.

— И, внимательнее, господа. Нужно вышвырнуть эту дрянь из моего города, чем бы она не была. Если что-нибудь найдете, доложить.

Кублер кивнул и приподнял тело.

— Что с этим, капитан?

— Сжигать на плацу, я полагаю, толку мало, — проворчал Карвер. — На то, как уже сдохшего еретика забирает праведное пламя чистоты, смотреть неинтересно... А с такой погодой нам костра все равно не развести.

Раздался высокий, нервный голос Шпильмунна, самого молодого из храмовников Карвера.

— Капитан, на кол у городских ворот? Там давно не было голов.

— М-м, — пробормотал командир. — Выставление на кол головы требует наличия оной у туловища. Наш же неудачный экземпляр, в некотором роде, лишен данного атрибута.

Кублер взвалил куль на широкие плечи.

— Тогда в Кучу?

Карвер медленно кивнул.

— Да. Думаю, да. Будь добр, запри хорошенько. Полагаю, весной нам придется прибраться внизу. Сколько уже — с дюжину тел — гниет там?

Хольст нахмурился.

— Почему просто не свалить их в реку?

— Потому что, кретин, — рявкнул Кублер, — в городском канале с водой окажется гора пораженного Скверной мяса. Ты сам стал бы это пить?

— Все равно не хуже, чем бретоннский эль, — пробурчал Карвер, пытаясь разрядить обстановку притворным смехом, однако же незаметно кивая Кублеру. Если на то будет воля Зигмара, парень далеко пойдет. — Нет, боюсь, дорога ему напрямиком в Кучу. У дверей прочтите молитву о изгнании нечистоты, и будет. Господа, лучший мертвый еретик — это тот, который мертвым и остается.

Кублер кивнул и потащил тело к винтовой лестнице, начав спуск, который в конце концов окончится возле входа в подвал с гниющими останками еретиков. Карвер слушал постепенно удаляющееся шлепанье туловища, которое его аколит без особых церемоний тянул по ступеням, пока последние звуки не пропали в угрюмых глубинах храма. Остальные храмовники молча разошлись по своим заданиям, вероятно, почувствовав беспокойство капитана.

Тот помешкал немного, затем вышел сквозь мощный дверной проем в свой кабинет.

###

Существо зашипело на него, длинная, запачканная грязью шерсть волнообразно встопорщилась, поджалась короткие и мускулистые передние лапы. Единственный оставшийся глаз бесконтрольно закружился — судорожно выписываемые им круги, свидетельствовали о неустойчивости рассудка.

Оно бросилось с визгом, щелкая слюнявой пастью, готовясь вцепиться выдающимися вперед резцами.

Лишь в последний момент прыжка, когда, казалось, что от челюстей существа не уйти, железная цепь вокруг шеи с лязгом оборвала его движение. Разочарованно давясь и задыхаясь, оно зашаталось и с жалким писком рухнуло вниз.

Рихт Карвер даже не вздрогнул.

— Ну как ты сегодня, мое маленькое чудовище? — проворковал он огромной крысе, которая царапала каменный пол длинными, как кинжалы, когтями, воображая ненавистное лицо своего тюремщика. — Надеюсь, не слишком голодно?

Он поймал это существо в прошлом году — экспедиция в неисследованные тоннели под городом обернулась стычкой с вездесущими скавенами. Хвала Зигмару, гнездо было вычищено, но двух его храмовников утащили в кошмарные подземные лабиринты. В тот день, во славу Зигмара капитан уничтожил двадцать крысолюдов и еще нескольких пленил «с целью допроса». Они сдохли — с воплями и ругательствами, прикованные к стенам той самой комнаты, которую теперь охранял их безумный

питомец. Крупицу удовлетворения Карверу доставляла мысль о том, что их отвратительные тела, истерзанные и расчлененные, гниют в Яме глубоко внизу у него под ногами.

Напевая себе под нос, охотник на ведьм неспешно вошел в красноватый полумрак своего кабинета. Он грузно осел в кресло и стал барабанить пальцами по подлокотнику. Через некоторое время он повернулся к крысе, которая затаилась в тени возле двери. Она, как всегда, следила за ним. На злобной, неровной циклопией морде блестел оставшийся глаз. Храмовник решился.

— Пора обедать, тварь... — грассируя, проговорил он и потянулся в карман за таблетками.

###

Время шло. С севера, налетая шквалистым ледяным дыханием, до Талабхейма добралась зима.

Последние листья, уже обнажившие тонкие скелетики натиску ежегодной смерти, срывались со своих верхних мест и уносились прочь стылмым ветром. Предательски твердели лужи и колеи и ямки на мощеных дорогах, так что некуда было деться из ледяного плена.

Вороны дрожали и, распушившись, превращались в черные миниатюрные шары, наполненные негодованием. Они недоверчиво поглядывали друг на друга, размышляя о том, что издыхающий от голода падальщик вполне годится в пищу своим собратьям.

Рихт Карвер, сидя в своем кабинете, грел руки у хорошо разведенного огня и не обращал внимания на потоки стонов и ругательств, доносящихся от стены. Вся комната провоняла пережаренным мясом.

— ...Р-р, н-н-н... Н-н-надо лекарство... Блеск, блеск, блеск...

Капитан вздохнул и засунул клеймо нагреваться обратно в огонь.

— Вильхельм, помилуй. У меня голова болит.

— ...Блеск, блеск, блеск...

Бормоча себе под нос, Карвер повернулся к прикованной к стене фигуре. Ожог на груди уже превратился в волдырь, мутировавшее тело беспомощно корчилось: судорожно сокращались надувшиеся мышцы, дряблая кожа была покрыта распухшими оспинами. По плечам и груди разноцветными кольцами извивалось пестрое пятно — один из ярких знаков его Скверны.

Равнодушный к подобным изменениям человеческого тела, Карвер наклонился ближе. Выражение его лица — отнюдь не презрение, как можно было вообразить — подобно тому, какое бывает у разочарованного родителя, чье дитя слишком часто дурно себя ведет.

— Давай, Вильхельм, ты же сам знаешь, что мне не нравится это делать. Лучше скажи мне, где ты купил таблетки, а? Для твоего же блага.

Такая искренность, такая неподдельная забота звучала в голосе храмовника, что опешивший мутант прекратил изрыгать проклятья и уставился на своего мучителя.

В тот же миг Карвер приставил раскаленное клеймо к коже существа и надавил. Поднялся дым, кожа полезла и стала обугливаться, тварь Хаоса визжала, не переставая. Боль быстро лишила его сил, и

шишковатая башка безвольно повисла.

Негромко ворча, капитан вернулся погреть руки:

— Хвала Зигмару, хоть минуту чертовой тишины.

Увы.

Уже через несколько мгновений в дверь забарабанили, и донесся приглушенный голос. В углу, в полумраке неслышно встала прикованная к цепи крыса.

— Капитан, это я, Кублер! Я нашел Вассека! Он здесь, со мной.

— Очень хорошо, Кублер, пригласи его, пожалуйста.

Дверь осторожно приоткрылась, и невидимые руки втокнули в комнату невысокого, грязного мужчину. Оценив выражение лица этого потного человечка, попавшего в столь незавидное положение, Карвер мысленно представил себя на его месте.

В первую очередь запах: едкая вонь паленого мяса ворвалась в его ноздри, сдавив горло и заставив отвернуться, после чего перед ним предстал искалеченный мутант на стене, покрытый ожогами и рубцами. Пытаясь удержать жгучую желчь, поднимающуюся к его горлу при виде этих ужасов, он согнулся пополам и опустился на колени.

Оказавшись лицом к лицу с рычащей и шипящей смертью.

Крыса изменилась. С осени, когда блеск был решительно исключен из ее рациона, она претерпела ужасные трансформации. Единственный ее глаз теперь горел изнутри огнем и более не вращался безумно во все стороны. Облезлая шерсть свисала чохлыми клоками, жирное туловище лоснилась от гниения. Необычные гребни и болячки пестрели на изъязвленной коже, а на длинном хвосте, меж сочащимися гноем ранками, вырос целый лес шипов.

Она раззявила мерзкую пасть и, рванувшись на цепи, завизжала человечку в лицо.

Вассек дю Вюрц обмочился и разревелся, как ребенок.

Карвер рывком поставил его на ноги и швырнул в пустое кресло, тот замер там, мелко дрожа и тараща огромные, словно блюда, глаза.

— Привет, Вассек. — Дружелюбная улыбка охотника совершенно не сочеталось с мрачной обстановкой.

— Мы тебя уже давно ищем. Как дела?

— П-проклятье, Карвер! В чем дело?

— Просто хотел поболтать. В последнее время я так редко вижу со старыми друзьями.

— Не надо! Вот не надо этой чепухи о «дружбе»! Я уже был здесь, помнишь? Знаю, как тут дела делаются!

— Ой, да ладно, дружище! На меня больше наговаривают. Просто поговорить — немногого я прошу, верно?

— Черта с два! Если у тебя нет основания задерживать меня здесь, я уйду прямо сей...

Послышался холодный металлический шорох, и мгновенно замерший Вассек посмотрел на блестящий клинок, который возник у его горла. Черная трость Карвера лежала пустая на полу, и ее секретное содержимое было выставлено на показ.

Голос капитана был тих, но, как ни удивительно, вполне дружелюбен.

— Как поживает... Как ты в тот раз говорил... Как поживает твое «родимое пятно», а, Вассек? Оно у тебя на полспины, если мне не изменяет память. Весьма любопытно.

— П-прс-сто... К-х, к-х... Рд-дим-мое, п-птно... — прохрюкал несчастный.

— М-м, может быть. Знаешь, забавно, сколько моих, э-э, «пациентов» говорят так.

— Ч-что т-бе н-ндо? — пробормотал Вассек.

— А, это уже лучше... — Карвер радостно улыбнулся и отпустил сталь от горла трясущегося человечка.

— Гораздо лучше. — Осторожно тронув пальцем лезвие, он уселся обратно в кресло. — Я знаю, Вассек, что тебе нравится... Как это лучше сказать... «Слушать» о том, о сем. Теперь, когда мы снова друзья, может быть, расскажешь мне все, что слышал вот об этом?

На его ладони лежала кучка таблеток блеска. Возле двери крыса принялась завывать, шипеть и натягивать цепь. Вассек содрогнулся от ужаса.

Карвер заговорщицки подмигнул ему.

— О, о нем не волнуйся, он просто проголодался. И — только между нами... Кажется, у него проблемы с зависимостью.

###

Застегивая на ходу ремень с пистолетами, Карвер решительной походкой вышел в коридор. Храмовники резко вытянулись.

— У нас есть адрес, — воскликнул охотник, изящным движением надевая шляпу. — Скорее, скорее, господа! Священный долг зовет!

— Капитан! Вы верите слову этого червя? — прорычал Кублер, дернув головой в сторону Вассека, который пытался осторожно пробраться мимо рычащей крысы.

— О, он совершенно безобиден... Водится с дурной компанией, зато хорошо запоминает вещи и, по крайней мере, сейчас, кажется, рад со мной поделиться... Смею предположить, для нас он более полезен на свободе, так сказать. Давайте снова вернем его во внешний мир. А нам предстоит зажарить рыбу покрупнее! К тому же... Полагаю, герр дю Вюрц чересчур хорошо знает, что случится, если вдруг окажется, что он злоупотребил нашим доверием.

Клубком черных развевающихся плащей, точно хмурая грозовая туча, храмовники вынырнули из катакомб, волоча Вассека за собой.

###

Жители рабочего квартала, несмотря на нищету и грязь, всегда ходили с высоко поднятой головой. Озлобленная гордость их упрямо проступала во внешнем облике. Может, мы и бедны, — говорили их лица, — но, Зигмаром клянемся, этого не покажем! Мирок накрахмаленных воротничков, сбережений на черный день, задранных носов и безоглядной, пылкой набожности.

Воистину, главных своих поборников Зигмар обретает в самых скромных жилищах, — с грустной улыбкой подумал Карвер, шагая по мощеным улицам. Он не любил заходить в этот район — не от того, что приходилось опускаться до общения с простым человеком, но из-за реакции, которую вызывали его визиты. Здесь не было ведьм и еретиков, ибо здешние жители скорее покончили бы с собой, нежели впустили бы Скверну в свой маленький, стерильный мирок. Но стоило рядом пройти охотнику на ведьм, они все равно опускали глаза, все равно молча хватались за нательные молоточки, все равно покрывались потом от липкого, виноватого страха.

Карвер считал, что этих переживаний люди не заслуживали, и ненавидел себя за то, что им все-таки было страшно.

Оставив после себя перешептывания и удивленно раскрытые глаза, храмовники свернули на боковую аллею. Они сгрудились вокруг командира, который кивком указал на покосившуюся дверь в конце. — Там.

— Они так нас боятся, — прошептал Шпильмунн, оглядываясь через плечо на улицу, где в собравшейся толпе уже начали ходить слухи и бросаться обвинения.

Карвер грустно улыбнулся.

— М-м. Ты быстро усвоишь, мой мальчик, что страх может стать мощным оружием. Но с другой стороны — и сильной помехой. Когда охотник стучится в дверь, невинному нечего опасаться, но он все равно страшится... А каким еще одним мощным оружием располагает храмовник?

Щеки юноши начали краснеть, на гладкой коже лица пролегли складки неуверенности. Давясь смехом, Хольст вытащил пистолет и погладил его по стволу.

— Убери, — пробормотал Карвер, изогнув изящную бровь. — Тот, кто находит радость в столь грубом оружии, применять его не заслуживает. Ну, Шпильмунн, остальные, идеи есть?

Учительский тон давался легко, и глубоко в душе Карвер наслаждался благоговением своих аколитов.

— Кублер, смею предположить, ты знаешь ответ.

Тот подумал секунду и кивнул.

— Помимо страха самым мощным оружием храмовника является открытая и искренняя улыбка, капитан.

— Именно. Кого не запугать, тому поможет развязать язык простое дружелюбие.

Хольст разочарованно сплюнул — ему больше нравился пистолет.

Сделав изящный жест, Карвер продолжил:

— Храмовнику, прежде всего, надлежит быть воспитанным и опрятным человеком! У него красивая осанка, и он всегда вежлив. В самые темные уголки стремится принести свет — будь то свет чистоты,

истины или изящества.

Храмовники закивали с различной степенью понимания и согласия.

— Возьмем Кублера. — Карвер осклабился. Одним ловким поворотом он одновременно иллюстрировал свою точку зрения и ставил в неловкое положение своего любимчика. — Он хорош собой — ну, в основном, — сапоги начищены до блеска. Ба, у него такое открытое лицо, что можно шагнуть сквозь него и выйти с другой стороны!

Охотники принялись хихикать, это уличное представление было им явно по душе. Карвер чувствовал их тревогу по поводу предстоящей облавы и точно знал, как развеять напряжение.

— Посмотрите сюда, — продолжил он, указывая на укрытую черной тканью грудь Кублера, — у него в петлице брошь! Ни дать ни взять бретоннский придворный щеголь. — Карвер резко вытянул руку, пальцы в перчатке ловко сорвали безделушку. Храмовник внимательно осмотрел блестящую изумрудную поверхность. — И, стоит заметить, весьма изысканный камень. Где ты его раздобыл?

Кублер замялся, столь пристальное внимание немало смущало его.

— Я... Э-э... Купил его, господин. У одной торговки на площади. У нее были — всякие разные.

— Что же, в следующий раз, когда заглянешь к своей торговке, не забудь купить таких безделушек на всех, хорошо? — С благосклонной улыбкой Карвер вернул брошь аколиту. — А теперь, господа, — он кивнул, покручивая в руках трость, — если вы закончили осматривать этот зардевшийся образчик высокой талабхеймской моды, что скажете о том, чтобы немного размяться?

Доля беспокойства вернулась к группе, но теперь Карвер ощущал в них холодный профессионализм. Намного лучше подготовленный отряд повернулся к двери, расположенной в дальней части аллеи.

Карвер вытащил пистолет.

Бум.

Яркая вспышка и густое облако дыма.

Гнилое дерево взорвалось водоворотом щеп и ржавых гвоздей. Криво расщепленные надвое доски скорбно повисли на вывернутых креплениях, и через проломленную дверь на царящий внутри сумрак полился тусклый свет.

Стараясь не порвать о дерево черный рукав, внутрь торопливо просунулась рука в перчатке и, пустив былинки танцевать на миниатюрных воздушных вихрях, оторвала запирающей дверь засов.

В темноте кто-то — или что-то — страдальчески застонало.

Протестующе заскрипели петли, жалуясь на отягощающие их обломки, и покосившаяся дверь отодвинулась. словно поток из разрушенной плотины, в помещение хлынул холодный воздух, и внутри снова кто-то запричитал.

Рихт Карвер шагнул в полумрак: в одной руке пистолет, в другой — трость с вкладной шпагой. Всматриваясь в тени, он приготовился к любому злу, что могло таиться в них, и в ожидании схватки напряг мышцы передней ноги.

Ни единого шороха.

Из липкой темноты на него набросилась смесь диковинных травяных запахов — странных и дразнящих ароматов, приносящих с собой картины далеких земель и удивительных растений. Хольст сплюнул, и нарушил тишину:

— Воняет здесь, как в нужнике.

С потолка свисали ряды увязанных пучками трав, целый благоуханный лес, растущий сверху вниз. Впотьмах комната была, как две капли воды похожа на мастерскую аптекаря.

Опять послышался тот же низкий и невнятный стон, храмовники мгновенно напряглись, подняли оружие, отчаянно стараясь проникнуть взглядами во тьму. Карвер вертел головой, как филин, пытаясь найти источник звука. Медленно, точно тень от солнечных часов, он поворачивался и наконец остановился, обратив все свое внимание на широкую тумбу с выдвижными ящиками.

— Покажись, — прорычал он.

В темноте под столешницей что-то задвигалось и начало вылезать. С мертвенно-бледной кожи свисали лохмотья, каждое неуклюжее движение сопровождалось отчетливым металлическим позвякиванием, лицо существа было скрыто тенью от большого капюшона, из-под которого выбивалось несколько светлых локонов.

Содрогаясь, оно страшно застонало. Храмовники распределились по комнате, отрезав вздрагивающей фигуре пути побега.

— Выходи оттуда, — прохрипел Карвер.

Оно не подчинилось. Капитан нахмурился, медленно поднял ногу и с силой топнул по полу. Стук произвел желаемый эффект.

Голова в капюшоне, словно перепуганный грызун, высунулась, чтобы посмотреть на закутанного в черное призрака, заслоняющего льющийся из дверного проема свет.

— Му-а-а-а... — промычала голова.

— Выходи сюда, — повторил Карвер, помахав пистолетом. — Понимаешь меня?

Снова осмысление — быть может, даже полукивок — Карвер был уверен, что слышит резкие и взволнованные вдохи существа.

А потом, с быстротой молнии, существо скрючилось и потянулось за чем-то, что было скрыто от взора храмовников под тумбой. Карвер ощутил горячий ток адреналина, чувства помчались вперед так стремительно, что, казалось, будто ледяная медлительность сковала его движения.

— Оружие! — изумленно вскрикнул Кублер.

Стоящие в комнате храмовники пришли в движение — но медленно, слишком медленно!

Карвер же не думал. Его палец слегка надавил на спусковой крючок, и комната утонула в белой вспышке.

Лишь когда стихло эхо пистолетного выстрела, время снова обрело возможность идти естественным образом. В воздухе легко пританцовывали кусочки сухой ткани, оторванные пулей от одежды существа. Само оно тихо лежало, согнувшись — его гибель не сопровождал фонтан хаотических флюидов, скрежет

зубов и бешено дергающиеся руки и ноги. Сдавлено проскулив, оно с металлическим позвякиванием опустилось на пол и затихло.

Карвер осторожно приблизился к нему. Убедившись в том, что жизнь покинула тело, он нагнулся, отдернул изодранный капюшон, и тот час же понял, что допустил чудовищную ошибку.

Это была просто девочка — быть может, лет двенадцати — и она была сумасшедшей.

Болезнь выдавали глаза: не горячее и изменчивое безумие Скверны, но ужас, невыразимые тяготы и лишения, похитившие ее рассудок и оставившие взамен лишь неисчерпаемое море страха.

Распахнутые в беззвучном стоне губы открывали изуродованную плоть.

— У нее нет языка, — тихо пробормотал он.

И вот, поддавшись мрачному любопытству, капитан позволил взгляду пробежать по вытянутой руке к чему-то, за чем она нагнулась в последний миг своей жизни. Холодно блеснул металл, скрытый под лохмотьями на хрупком тельце, и Карвер с ужасом осознал свой просчет.

Ее окровавленную, всю в синяках ногу охватывал толстый металлический обруч — кандалы, приковывавшие девочку к укрепленной в полу стойке. Она пыталась дотянуться до цепи и показать ее — немое свидетельство того, что не могла подчиниться приказу храмовника.

Девочка была чьей-то пленницей. Невинной, искалеченной и немой. Неизвестный истязал ее и держал за чем-то в заточении. А Карвер убил ее. Ему стало дурно.

— Пошли вон, — просипел он, сжав до скрежета зубы.

— Но, сэр, — забормотал Ларс, — вы же не зна...

— Выметайтесь!

Охотники удалились, поглядывая друг на друга; их командир остался один на один с плодом своей трагической ошибки. Пытаясь унять желчь, поднимающуюся от желудка, он склонился над девочкой и стал шептать литанию.

— ... Зигмар, помилуй меня... Зигмар, помилуй...

Со временем в комнате воцарилась тишина. Медленно и безотчетно, с постепенным усилием, Карвер впустил в свой разум твердость. Охотники на ведьм были хищниками. Выполняя долг, избавляясь от слабых и неполноценных, они не испытывали угрызений совести. Священный долг — он не вызывает чувства вины. Никакой вины! Одна из заповедей пронзительно кричала внутри его головы и требовала согласиться.

Убивать ему доводилось. О, бессчетное количество раз. Сколько трупов скопилось у его ног, сколько крови пролилось на начищенные сапоги, сколько сердитых пуль выпущено во имя Зигмара? Сколько костров он зажег на городском плацу? Сколько раз он слышал, как вопли отрицания сменялись в угрюмых подземельях Храма бессвязными, страдальческими вскриками признаний? В сравнении с этой горой трупов, что значит случайно оборвать одну невинную, маленькую жизнь? — гладко врал он себе.

Тогда с глазами Рихта Карвера что-то случилось — пусть едва, но они изменились — появившийся было блеск в холодных голубых радужках померк и затвердел новой, кристально чистой уверенностью, и,

когда храмовник выпрямился, он был немного другим. В голове его грохотали слова древнего текста, который он еще в молодости декламировал в постылых лекционных залах. Это был фраза из диалога, написанного одним давно почившим бардом.

«Я в кровь так далеко зашел, что повернуть уже не легче, чем продолжить путь».^[1]

Последние следы эмоций исчезли с лица Карвера, и он внимательно осмотрел комнату. Его взгляд задержался на столешнице тумбы — там, на каменной плите, в окружении пестиков, ступок и кип сферических формочек для таблеток, лежала аккуратно собранная кучка порошка. Девочка имела к нему доступ, — подумал Карвер, наклоняясь, чтобы изучить субстанцию.

Кивая с новообретенной уверенностью, он оглянулся в поисках какой-нибудь емкости. В комнате было темно и пусто, ничего подходящего не нашлось, и капитан, решительно стащив с руки кожаную перчатку, аккуратно, чтобы не дотронуться до вещества, ссыпал немного внутрь.

Затем он быстро окинул помещение взглядом, приложил руку к шляпе на прощание, будто, хотел приречь гноящиеся ранки, оставшиеся внутри, и, гордо вздернув голову, шагнул в холодный город.

###

Почтенный герр Эльбек, выпускник альтдорфских Колледжей магии, посвященный Нефритового ордена, знаток травологии и весьма известный поставщик бальзамов и целебных напитков, беззвучно кипел от злости и время от времени дергал себя за бороду.

Вокруг него в изящных стеклянных сосудах пузырились и булькали жидкости, из рифленых чаш в возбужденном многоцветии вываливалась пена, стайка шумливых помощников с опухшими выгоняла густой дым через открытое окно. Дрожащее пламя полыхнуло из желтого зеленым, затянув очки волшебника маслянистой пленкой, и тот оглушительно чихнул. Герр Эльбек безошибочно определил у себя головокружение — что только усилило растущее в нем чувство негодования — и пробормотал короткое заклинание от пьянящих паров.

Каков нахал! Вломился, даже не спросив позволения! Топчется здесь, забирает оборудование, требует чего-то, будто он сам верховный патриарх! И, получив вполне резонный отказ сотрудничать с этаким-то безумцем, угрожает мне. Да-да, меня, Адепта Тайных Искусств запугивают, как какого-то подлого головореза в пивнушке! Невыносимо!

В памяти всплыла картина, как красиво украшенный пистолет с силой утыкается ему в пунцовеющий и набухающий нос. Колдун отогнал ее и уверил себя, что покорился с тем лишь, чтобы выгнать поскорее этого гнусного человека из своей лаборатории. Храбрясь и подбадривая себя придумыванием остроумных комментариев, которые он мог бы отпустить, если бы пожелал, герр Эльбек снова склонился над своей работой.

В соседней комнате Рихт Карвер завалился на неудобную скамью и попытался расслабиться. Ему, Защитнику Нерушимой Веры Зигмара казалось, что одна только мысль о том, чтобы вверить дело в руки подозрительного колдуна, дурно пахнет. Поначалу он отбросил ее, но после энергичного обыска лаборатории полностью уверился, что Скверны здесь нет. Также доставило удовольствие то, с какой легкостью он запугал этого дряхлого старика.

Разнообразный городской люд, покорно сидевший в приемной Эльбека, давно уже разошелся, напустив на себя как можно более беспечный вид. Одного только присутствия охотника на ведьм было достаточно, чтобы отбить у них желание покупать лечебные зелья и магические формулы. Так, в малом, охранялась святость Зигмарова.

Вскоре из лаборатории кубарем вывалился герр Эльбек, зеленая мантия развевалась за его спиной, неуклюже цепляясь за развешанные по комнате разнообразные ветки и прутья. Он оставил прежнюю враждебность и, взволнованно бормоча и перебирая в руках очки, замер перед Карвером. Тот бесстрастно глядел на колдуна.

Наконец, вздрагивая, как заяц, и барабаня кончиками пальцев друг о друга, он обратился к охотнику:

— Где... Э-э... Откуда у вас эта субстанция?

— Не думаю, что вас это должно касаться, — ответил Карвер. — Это блеск?

— О, да, да. Сомнений нет. Я имею в виду, что провел всестороннее сравнение порошка с веществом в таблетированной форме. Именно всестороннее. Результаты одинаковые — от и до. Бац-бац! Вот так вот. Определенно, это то же вещество... Что бы там ни было...

— И что же там?

— Ха! В самом деле. — Колдун рассеянно почесал нос. — Как ни странно, я надеялся, что это вы мне расскажете...

— Слушай, — проворчал раздраженно Карвер. — Эта... Субстанция, чем бы она ни была... Справедливо ли было бы утверждать, что это некая вещественная форма?..

— Магии? — Колдун оживленно задышал, и его глаза блеснули за стеклами очков. — О, безусловно. Разумеется, перемешанная с самыми разнообразными травами, но, по сути... Это... Я бы даже сказал, что, если бы Хаос... — Эльбек вдруг увидел, как недобро прищурился Карвер и поспешил добавить: — Трижды проклят будь он, конечно! Но, если бы Хаос возможно было дистиллировать в материальную форму, результат был бы схожим.

Карвер кисло посмотрел на стоящий перед ним тощий комочек нервов. Людей сжигали на плацу и за меньший интерес к Скверне, с другой же стороны, послушный колдун был бы весьма ценным ресурсом...

— М-м, — прогудел он наконец. — Пыль Хаоса, говоришь?

— В самом деле. Ха-ха! — Колдун взволнованно рассмеялся.

Карвер одарил его откровенно презрительным взглядом.

— Замечательно, — пробормотал про себя храмовник. — Кажется, теперь я должен отыскать источник этой заразы...

Небрежно кивнув колдуну — это все, что почтенный старик получил в награду — он повернулся уходить.

— Есть... Э-э... Есть кое-что еще, — произнес Эльбек, рассеянно протирая очки. — В ходе проверки я... Как бы это сказать... Я был слегка... Отвлечен напряженностью обстановки, и... Ох, откровенно говоря, я проверил не то вещество...

Карвер прищурил глаза.

— Продолжай.

— Видите ли... — Раздосадованный своей ошибкой старик перешел на взволнованный щебет. — Вы-вы предложили мне сравнить порошок из перчатки с таблеткой блеска, так? Эм, о-откровенно говоря, я проверил частички, которые обнаружил на самой перчатке. Я-я быстро понял свою ошибку и тогда сделал анализ вещества из нее — и-именно эти результаты я передал вам. Но, вот в чем дело, разницы все равно не было бы, поскольку с точки зрения химического состава вещество с поверхности перчатки было абсолютно идентичным тому, что внутри.

— Порошок на перчатке? — пораженно повторил Карвер.

— Д-да. Лишь несколько зеленых частичек. Блестящие такие. Ха-ха. Гм.

— Но я не прикасался к ней перчаткой, я ссыпал ее внутрь.

Колдун только жалко дернул плечами, отчаявшись уже выпроводить этого страшного человека из своих владений.

— М-м, — снова пробормотал Карвер и вышел за дверь.

Шагая по улице, он размышлял. И из этих размышлений начало рождаться откровение.

###

Мрачное место. И, если бы не жалкая шипящая головешка, аккуратно уложенная в углу, свету сюда ни за что бы не попасть. Впрочем, и это тихое свечение лишь добавляло черноты темным углам, до которых не в силах было дотянуться.

Что-то шевельнулось. Кто-то опустился на корточки и проворно схватил с неровного пола камеры нечто жирное, мерзкое, со свисающими клочьями редкой шерсти и облезающими с кожи студенистыми, гнилыми складками. Не обращая внимания на трупные жидкости, сочащиеся из отвратительного тельца, человек запустил руку глубоко под ткань, в которую оно было замотано. Пальцы нащупали потертый кожаный мешочек и протиснулись внутрь. Вытащили они оттуда пригоршню зеленых жемчужин, пленительно мерцающих в темноте.

Человек хихикнул и высыпал варп-камни себе в карман. Одного раба, производителя блеска, он потерял, но, не беда, были и другие. Еще одного ребенка похитят ночью и, запугав до смерти, заставят работать в очередной подпольной мастерской. Производство будет расти, деньги — поступать, а Скверна — распространяться.

Человек прошелся по полу, усеянному гниющими трупиками, собирая чудовищный урожай.

Огонь горел в своей нише.

Вдруг какое-то слабое чувство, скорее сверхъестественное, заставило его подскочить. Кто-то прибли...

С оглушительным грохотом распахнулась дверь, и что-то взвилось в проходе, словно грозовая туча, окаймленная угольно-черными волнами. Стоящий в темноте непроизвольно заскулил от страха.

Бум.

Свинцовая пуля ударила его в грудь и опрокинула на пол. От боли он стал хватать ртом воздух, задрожал, и неконтролируемые спазмы волнами пошли по его телу. Постепенно боль утихла.

Человек мерзко улыбнулся, кровь сочилась по его подбородку.

— Как... Кх... Ты узнал?

Грозовая туча шагнула в комнату, черные одеяния осели, и свет очертил лицо Рихтера Карвера устрашающей маской.

— Брошь, — прорычал он. — Помнишь, я вытащил ее из твоей петлицы? Она была перепачкана зеленым порошком.

Охотник кончиками пальцев вытащил кожаную перчатку и с отвращением бросил ее на пол.

— Хе-хе... Кх-гх-кх... — засмеялся Кублер, плюясь кровью. — А я думал, пронесет. Как ты всегда говорил, «прячь на самом видном месте».

— Гордыня, Кублер. — Карвер скривил лицо и покачал головой. Пистолет был все еще направлен на аколита. — Словами не описать, как я разочарован.

— Избавь меня от очередной лекции, старик... Кх-х... Давай больше не будем притворяться, что я один из твоих воспитанных и улыбчивых ученичков, ага? В прошлом году ты заставил меня таскать сюда эти скавенские трупы. Помнишь? Жалко было, оставлять их гнить здесь, не обыскав... Хе-хе... На предмет чего-нибудь ценного.

— Она извратила твой разум, Кублер — эта дрянь — она свела тебя с ума.

— Хе, кх-х. Разве это так неправильно — дать людям почувствовать себя... Х-н-н-к... Счастливыми? Старик, ты бы сам попробовал блеск. Кто знает, хе-х, вдруг понравится.

Кублер закашлялся, и еще больше крови густой струей вытекло из его рта.

— Ты умираешь, — проговорил Карвер, все еще не отводя пистолета.

Немало усилий ему требовалось, чтобы казаться спокойным. В душе же он вопил от предательства и гнева на собственную слабость, не давшую ранее распознать Скверну, прельстившую его ученика.

— Как и м... М-м... Как мы все. — Кублер едко рассмеялся, и каждый выдох давался ему все труднее. Он просунул дрожащую руку в карман, вытащил коробочку с таблетками и отщелкнул крышку. — Такая... Кх-хк... Такая боль... Н-ничего, если я приму лекарство?

— Кублер... — угрожающе произнес Карвер, но было поздно.

Кровь умирающего храмовника стекала по Куче теплыми масляными струями. Кублер опустошил коробочку. Зеленые жемчужинки чуть слышно застучали о его зубы. Он тяжело сглотнул, сдавленно захватал ртом воздух и затем медленно и неуклюже осел. Лицо его застыло, губы разошлись и по блестящим зубам заструилась кровь.

Потом он пошевелился. Резко и невозможно скрутился, поднялся и вытянулся ввысь — долговязый, страшный. Рука капитана вспыхнула от боли, и его пистолет со стуком отлетел в темноту.

Кублер отошел и ухмыльнулся. Его челюсть со скрипом выдвинулась вперед, брови изогнулись

изящными дугами, веки раскрылись, открыв желтые, переливающиеся радугой глаза. Шея Кублера с шумом раздулась, позвонки гребнем выдались из-под кожи, будто набухающие синяки. Его пальцы изогнулись и стали дергаться, увиваясь друг вокруг друга, словно мясистые розовые личинки.

— С-с-с-с... — прошипело создание сквозь восторженную ухмылку.

Человеческие черты пропадали, заменяясь новыми, смертельно опасными, кожа сморщилась, по ней начал проступать рельеф. Тело задрожало и резко дернулось, став человекообразным олицетворением тягучего, аморфного и беспрестанного изменения.

Оно двинулось, непринужденно, с быстротой молнии, и, прежде чем Карвер успел заметить нападение, его швырнуло о толстую стену дверного проема, из глубокого и длинного пореза на руке хлынула кровь.

— Не-нечистый! — Едва выговорил храмовник, смотря на сочащуюся по одежде кровь. — Да проклянет тебя Зигмар!

Существо улыбнулось и заговорило — это был голос Кублера — сдержано и мягко слова слетали с его червивых губ.

— О, прошу вас, капитан, полагаю, мы можем обойтись и без этого... Не берите в голову, я — просто скромный ученик, которому не удалось превзойти учителя.

Вместе с током крови от Карвера начало уходить сознание, он почти не заметил движения твари. Меч был выбит из его руки и с лязгом и всполохом искр сломался о каменную стену.

И тогда чудовище стало надвигаться на него. В беспрестанных трансформациях змеиной морды неизменной была лишь ухмылка. Карвер вытянулся, пытаясь опереться о стену, и стал шарить рукой за дверью катакомб в темноте лестничного колодца, каждое движение отзывалось нестерпимой болью.

— М-м-м-м, — бывший аколит издал напевный звук. — Хромай отсюда, старик. Где теперь твои уроки? А? Где твоя вера? Пора уже понять, «капитан»... Учить меня больше нечему.

Содрогающаяся рука Карвера нащупала холодный металлический крюк, вставленный в стену лестничного колодца. Целеустремленные пальцы, слабеющие с каждым ударом сердца, нащупали толстую цепь, уходящую вверх по колонне. Охотник устало улыбнулся.

— Один-два урока у меня еще есть, малыш.

И он стянул цепь с крюка.

Словно комета, на полной скорости из темноты вылетела крыса, таща за собой свои бесполезные кишки и широкой дугой разбрасывая клоки кожи и облезлой шерсти. Глазки пронзительно сияли в предвкушении победы. Кублер так и не понял, что его ударило.

Голодная и обезумевшая, еще секунду назад она была прикована там, в темноте, и вот в камере перед ней открылся отличный вид на изгибающуюся фигуру, которая пожирала то, что жаждала она, чем должна была обладать, чего хватило бы ей на целую вечность.

Она врезалась Кублеру в живот и зарылась внутрь.

Бесформенное тело монстра мгновенно отреагировало — оно взбурлило вокруг инородного тела, выбросило вперед щупальца, чтобы закрыть дыру, в которой исчезла тварь, и стало трястись, оценивая

возможный ущерб.

Ухмылка Кублера застыла, затем исчезла, глаза выкатились, пальцы стали сжиматься.

Он осел на колени и согнулся, у него в горле медленно зарождался огромный ком рвоты.

Рихт Карвер, ослабший, едва в сознании, открыл глаза и заставил себя смотреть.

Точно вулкан, чья мощь долго дремала глубоко под толщей этой живой земли и наконец достигла критического давления, Кублер извергся. Его грудина взорвалась, мутировавшая плоть кувырчалась и дрожала в воздухе, поломанные кости прорвались наружу, ткань и змеиная кожа обвисала застывшей полупрозрачной пленкой вокруг разорванного тела.

Кублер — вернее, то существо, которое когда-то было им — издал последний потрясенный смешок и издох.

Из останков вывалилось крысоподобное создание, его тельце было безнадежно истерзано, изрезано и полурастворено внутренностями обреченного аколита. Дикий свет триумфа горел в оставшемся глазе, и, забыв о том, что его кишок давно уже нет, оно жадно набросилось полупереваренный блеск, который ранее проглотил Кублер.

— Пора обедать, тварь, — прошептал Карвер.

Он схватил горящую головню и швырнул ее в Кучу.

Пролежавшие несколько месяцев трупы, мумифицировавшиеся в этой сухой подземной гробнице, вспыхнули, словно бумага. Крыса верещала в агонии, и Карвер смотрел, не отрываясь, покуда та не перестала, пока не обгорела так сильно, что не могла сделать ни вдоха.

Он сидел на ступенях Кучи, пока не подспела шумная, взволнованная и озадаченная толпа храмовников. Он сидел, пока не выгорело пламя, оставив после себя только пепел и сажу. Сидел, пока не пропал последний след Кублера — его лучшего ученика и злейшего врага.

Карвер пытался решить, что чувствует. Он в некотором роде понимал то глубокое, личное горе, которое стало бы естественным откликом произошедшему. Более того, он ощущал, что раньше, при схожих обстоятельствах его реакция была бы именно такой.

Сейчас — нет — слишком многое изменилось.

Сейчас, сидя, на ступенях, окруженный разрушением и смертью, Рихт Карвер, капитан галабхеймских охотников на ведьм, изо всех сил старался не расплыться в торжествующей улыбке.

Снаружи, на стылом ветру, вороны ерошили перья от холода и ждали весны.

1. *Меня преграды не смутят: я в кровь
Так далеко зашел, что повернуть
Уже не легче, чем продолжить путь.
Торопит руку возбужденный ум;
Я должен действовать без долгих дум.
— Уильям Шекспир. Макбет (пер. М. Лозинский)*

Эта страница в последний раз была отредактирована 6 августа 2021 в 11:18.